

Старые годы. Русские исторические повести и рассказы первой половины XIX века./ Сост. и подгот. текста А. Рогинского. -- М.: Худож. лит., 1989.

(Классики и современники. Русская классич. лит-ра).

OCR Бычков М. Н.

Солнце ярко горело на небе, но туман, едва отделившийся от сырой земли, перенимал желтые его лучи и еще задерживал острые верхи черепичных крыш. Коровы бродили около домов, громко мыча; они жадно ели свежую траву, пробивавшуюся по сторонам улиц, где не было мостовой; петухи смелым криком только что возвещали утро, а город, казалось, весь уже был жизнь и движение. Петербург в то время просыпался очень рано.

Вниз по Неве плыли к Адмиралтейству от Смольного двора лодки, тяжело нагруженные бочками, снастями, лесом; в домах и дворах заметна была чрезвычайная хлопотливость; у богатых палат стояли огромные фигурные коляски, кареты, запряженные цугами разодетых в пеструю сбрую коней, или пышно оседланные лошади; в других местах, как ягодки, рисовались на зелени садов красные одноколки; из всех домов выходили люди разного звания и вида, кто в богатом, кто в бедном, но все в чистом наряде; одни спешили к церквям, другие к Неве, левый берег которой осыпан был народом; на самой реке множество судов разной величины беспрерывно стремились со всех сторон к крепости. Против австерии Меншикова отдельно стояли принадлежавшие вельможам буеры и шлюбки, убранные бархатом и тканьями ярких цветов, а в воздухе между тем гудел, не умолкая, оглушительный звон колоколов; в смутном шуме их два голоса, с двух противоположных концов города раздававшиеся, владычествовали и покрывали другие: один своими важными, громкими, мерными, как пушечные выстрелы, ударами; другой резким и пронзительным звуком, долго трепетавшим в пространстве. Народу, видно, особенно знакомы были эти голоса, ибо при каждом ударе в толпах слышалось какое-либо приветствие: "Славно!", "Ай да Иверский-Валдайский!", "Речист, родимой -- словно гром" или "Не вырос еще бедняга Немец!" "Куда те, пискун свейской, тянуться за нашим русским богатырем", и т. п. {Один из колоколов, в 800 пудов, привезен был из Иверско-Валдайского монастыря и повешен в Александро-Невском; второй, находившийся в Троицкой церкви, взят в Або.} Около *Летнего дома* солдаты и служители дворцовые под распоряжением собственных государевых денщиков выметали в саду аллеи, ставили скамьи, покрывали длинные столы; словом, видно было, что город с утра готовился к празднику.

На берегу Фонтанной реки находился в то время в широком дворе барский дом, изукрашенный фигурными, тонкими колоннами на тощих базах. С шестиступенной наружной лестницы дома сошли два человека: один в зеленом чекмене с серебряными нашивками, в цветных сапогах казацких, алых шароварах и четырехугольной шапке, опушенной узеньким соболем; другой, мужчина среднего роста, худенький, с острым носиком, маленькими живыми глазами, в плаще пыльного цвета, из-под которого по временам выказывалось немецкое, или, как называли тогда, *саксонское* платье. Он перекрестился, надел низенькую треугольную шляпу и, своротив налево со двора, пошел с товарищем мимо *Форштата*, или *Русской слободы*, вдоль берега, который против домов укреплен уже был длинными сваями, в других же местах неровным, извилистым откосом спускался к реке. Дошед до первого моста, они взошли на оный. В это время где-то пробило шесть часов.

-- Какова потеха! -- сказал человек в чекмене.-- Колокола воют так, что и часов я сосчитать не успел!

Человек в плаще, вынув огромные серебряные часы из камзола, показал их товарищу.

-- Черт ли разберет это!

-- Стыдно! Княжой конюший, а различить не можешь часов. Вот то-то, брат Ермолай Андреянович, я говорил тебе: ученье -- свет, а неученье -- тьма. Шесть било.

-- Раненько же.

-- Для тунейдцев, как мы с тобою. А государь Великий часа три уже трудится для нас, недостойных. Нет ему праздника: народ гуляет, а он с трех часов утра за работой, да и спит-то одним глазом, дай ему Бог многие лета,-- тут он снял шляпу и набожно перекрестился.

Так разговаривая, они взошли на длинную гать, проложенную через топкое пространство новой Невской *перспективы*, занимавшее почти всю средину между Мьей и Фонтанной рекою. За деревьями, посаженными на обеих сторонах улицы, местами стояли широкие, болотные лужи, между их навалены были груды булыжнику, песку, фашин, строевого лесу, глины и черепицы. Правая сторона *перспективы*